

Рябова Марина Вадимовна

ЭМОТИВНАЯ ИНТЕНСИФИКАЦИЯ КАК СПОСОБ ДЕЛАКУНИЗАЦИИ ТЕКСТА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/1/63.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (44). С. 194-197. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 81.25

*Марина Вадимовна Рябова**Благовещенский государственный педагогический университет***ЭМОТИВНАЯ ИНТЕНСИФИКАЦИЯ КАК СПОСОБ ДЕЛАКУНИЗАЦИИ ТЕКСТА®**

В процессе изучения особенностей перевода становится очевидным, что в наибольшей степени его культурная составляющая проявляется в сфере художественного перевода. Многие проблемы, обозначенные в современных исследованиях по теории и практике художественного перевода, предполагают обращение к культурной среде, в которой был создан тот или иной художественный текст: перевод как интеллектуальная творческая деятельность переводчика; лингвосемиотические и лингвистические проблемы перевода; текст художественного произведения как объект теории художественного перевода; основные критерии оценки перевода художественного произведения и другие [3, с. 3-4].

Художественные тексты вносят особый вклад в передачу культуры в её историческом и современном проявлении и в создании образа той страны, которой они принадлежат. Без художественной литературы достаточно сложно представить себе страну с её этническим своеобразием и национально-специфическими составляющими. Именно литература, являясь частью культуры, как нельзя лучше подходит для её переноса и распространения [5, S. 219]. Интерпретация литературного текста предполагает наличие у переводчика как лингвистических, так и лингвострановедческих (фоновых) знаний. Решающую роль играет уровень сформированности вторичной когнитивной и языковой картин мира переводчика.

Кроме того, переводчику необходимо вжиться в мироощущение и принять творческий метод писателя, и это зависит от особенностей его собственного мироощущения и наличия у него высокой степени адаптивности [2, с. 410]. Поскольку в художественном тексте картина мира создаётся языковыми средствами и одновременно отражает индивидуальную картину мира писателя, как представителя определённой лингвокультурной общности, то переводчику необходимо учитывать как национальный, так и личностный компонент его культуры. Говоря языком когнитивной лингвистики, в художественном произведении могут проявиться «индивидуальные концепты писателя, получившие языковое выражение через окказиональные единицы» [1, с. 155]. Это представляет определённую трудность при интерпретации текста и транспонировании его в другую культуру. Переводчик в значительной степени находится под влиянием родной лингвокультуры, поэтому процесс делакунизации им текста сопровождается не только индивидуально, но и культурно обусловленными изменениями смысла.

Художественный текст, будучи «субститутом» культуры, позволяющим отличить одно культурно-языковое содержание от другого [4, с. 137], является для переводчика изначально лакунизированным. Делакунизация исходного текста, то есть расшифровывание значений единиц, входящих в его состав, с последующим перекодированием их в единицы текста перевода, сопровождается элиминированием лакун в лингвистических и фоновых знаниях переводчика.

Для обозначения единиц оригинального текста, требующих перекодирования, мы используем термин «транслема», а для их вербальных соответствий в тексте перевода - термин «транслят». Под «смысловыми оттенками» понимаются семы, входящие в состав лексического значения транслем и транслятов. В ходе проведенного нами семантического анализа лексическое значение каждой выявленной транслемы сопоставлялось с лексическим значением транслята, и определялся набор сем, по которым данные единицы могут быть дифференцированы. При описании примеров, иллюстрирующих делакунизацию, учитывалось контекстуальное окружение исследуемых единиц текста.

В поисках материала для исследования мы обратились к творчеству известного немецкого писателя XX века Э. М. Ремарка. О значительном вкладе этого писателя в современную немецкую и мировую литературу написано немало статей и книг. Материалом для нашего исследования послужили следующие романы и их русскоязычные переводы: «Три товарища» (переводы В.1, В.2 и В.3), «На Западном фронте без перемен» (перевод В.4), «Время жить и время умирать» (перевод В.5).

Преобладающим способом делакунизации содержания данных романов является интенсификация. Она заключается в усилении смыслового воздействия транслемы путем использования транслятов с дополнительными смысловыми оттенками либо путем добавления в текст перевода дополнительных носителей смысла (лексических единиц).

Доминирующей разновидностью данного способа выступает **эмотивная интенсификация**, при которой в качестве транслятов переводчиками предлагаются лексемы с эмотивными семами, отсутствующими у транслем оригинального текста.

Все случаи эмотивной интенсификации были условно распределены на группы в соответствии с базовыми эмоциями, к которым относятся, например, радость, неодобрение, отвращение, страх, гнев, удивление, интерес, печаль. Это не означает, что все трансляты являются постоянными репрезентантами данных эмоций, однако они имеют в составе своего лексического значения подобные или близкие эмотивные семы.

К примеру, эмоция **«радость»** получила в переводе несколько эмотивных оттенков - «счастье», «нежность», «удовольствие», «дружелюбие», «восторг», «торжественность».

Немецкая транслема *gern sitzen* («букв.: «охотно сидеть») обозначает любимую привычку, в отличие от предложенного транслата «нежиться», которое указывает на удовольствие, наслаждение комфортом:

Ein Soldatenhintern sitzt gern auch mal weich (S. 105). - В.4: *Солдатский зад тоже порой не прочь понежиться на мягком (с. 117).*

Немецкая транслема *sich an j-n anschließen* («присоединиться, примыкать к кому-л.») не получила адекватного транслата ни в одном из предложенных переводчиками вариантов:

... denn Gottfried, der scheinbar die Bahn jetzt frei sah, schloss sich in heller Begeisterung darüber stürmisch an Binding an (S. 18).

В.1: *... и, в явном восторге оттого, что дорога свободна, бурно ухаживал за Биндингом (с. 31).* / В.2: *... так как Готфрид, на радостях оттого, что дорога свободна, чуть не лобызался с Биндингом (с. 19).* / В.3: *... и, полагая, что путь перед ним открыт, Ленц с возрастающим восторгом стал обхаживать Биндинга (с. 19).*

Русские глаголы разговорного стиля «ухаживать», «лобызаться» и «обхаживать» в сочетании с лексемами «в явном восторге», «на радостях» и «с возрастающим восторгом» в большей степени подходят для описания общения женщины и мужчины, а не двух мужчин, которые в непринужденной обстановке обсуждают предстоящую сделку. Очевидно, что в данном контексте они, с одной стороны, указывают на дополнительное проявление восторга персонажа, а с другой - свидетельствуют об ироничном отношении переводчика.

Эмоция **«неодобрение»** выражается в эмотивных оттенках «пренебрежение» и «ирония».

Немецкая транслема *sich kuscheln* («устроиться») не получила адекватного транслата ни в одном из предложенных переводчиками вариантов, так как лексемы «развалиться» и «раскинуться», обозначают подчеркнуто небрежную позу персонажа. Русское наречие «вальяжно», соответствующее транслеме *bebaglich* («приятно, уютно, спокойно, комфортно») во втором варианте перевода, придает высказыванию оттенок иронии:

Die Schwarze kuschelte sich bebaglich in den breiten Sitz und schwatzte fortwährend (S. 174).

В.1=В.3: *Удобно развалюсь на широком заднем сиденье, брюнетка непрерывно болтала (с. 205, с. 206).*

В.2: *Вальяжно раскинувшись на широком сиденье, чернявенькая без умолку болтала (с. 224).*

В нескольких случаях появление в переводе русских лексем с эмотивным оттенком «неодобрение» обусловлено особенностями русской действительности, повлиявшими на формирование картины мира переводчика. Вероятно, именно этим можно объяснить усиление ироничного отношения к описанным событиям, которое получило вербальное выражение в переводе.

Так, транслема *Kaffeekränzchen* («женское общество за чашкой кофе») заменяется типичной для русского социума лексемой «хоровод», использованной в данном контексте для обозначения большого количества людей, ведущих себя шумно. Кроме того, эмоция неодобрения усиливается за счет появления в переводе иронических лексем «целый», «алчущий», «дамочки» и «особа»:

Aber er brachte gleichzeitig ein Kaffeekränzchen mit, das Platz suchte, an der Spitze eine Athletin reiferen Alters mit einem Pleureusenhut (S. 32). - В.2: *Но заодно привёл с собой целый хоровод алчущих места дамочек во главе с преклонного возраста особой атлетического сложения в шляпе со страусовыми перьями (с. 38).*

Во втором варианте перевода словосочетание «компания дам» выглядит эмоционально нейтрально, однако его использование привело к утрате национального колорита данной лексемы, так как компонент *Kaffe-*, указывающий на цель визита дам, не получил отражения в переводе: В.1: *Но заодно он привёл с собой компанию дам, которые искали место, во главе с пожилой особой атлетического сложения в шляпке с плезами (с. 47).*

Третьему переводчику удалось сохранить национальный колорит лексемы *Kaffeekränzchen* с помощью словосочетания «группа любителей кофе», однако существительное «группа» создает впечатление, что это не стихийное, а специально организованное сообщество людей. На наш взгляд, здесь необходимо менее официальное слово «компания»: В.3: *А заодно приволок группу любителей кофе, искавших, где бы им сесть. Их возглавляла атлетического телосложения дама уже весьма зрелого возраста. На ней была шляпка с траурным крепом (с. 37).*

Эмоция **«Отращение»** сопровождается такими дополнительными эмотивными оттенками, как «неприязнь», «досада».

Немецкое прилагательное *strähmig*, образованное от *Strähne* («прядь»), создает определенную трудность для переводчика, так как является лексической лакуной по отношению к русскому языку. Его значение «свисающий отдельными прядями» изменилось в переводе до более негативного значения «неухоженный, спутанный, в беспорядке», которым обладает транслат разговорного стиля «патлаты»:

Sie hatte ein flaches, breites Gesicht und trug ein rotes Seidenband in ihrem strähnigen Haar (S. 47). - В.5: *У нее было плоское лицо, в патлатых волосах - красный шелковый бант (с. 39).*

Не менее негативное впечатление производит русская лексема «опустившийся», выбранная в качестве транслата для транслемы *verbraucht* («изношенный, потрепанный»):

Sie war zweiundvierzig, etwas schwammig und verblüht, aber natürlich noch nicht so verbraucht wie der Mann (S. 22). - В.1: *Это была женщина сорока двух лет, несколько рыхлая, отцветшая, но, разумеется, не такая опустившаяся, как муж (с. 35).*

Лексема «опустившийся» указывает на моральные качества персонажа, а не на особенности его внешности, поэтому более уместными в данном контексте являются варианты, предложенные другими переводчиками:

В.2: *Это была женщина сорока двух лет, ... но, разумеется, ещё не такая изнуренная, как её муж (с. 35).* / В.3: *Это была женщина сорока двух лет, ... она все же не выглядела настолько потрепанной, как её супруг (с. 24).*

Эмоция «**Страх**» проявляется в дополнительных эмотивных оттенках «напряженность», «неожиданность».

Глаголы разговорного стиля «вцепиться» и «вглядываться», предполагающие ассоциации «напряженно», «с усилием», были выбраны переводчиками в качестве транслятов для немецких транслем *festhalten* («держат, удерживать») и *sehen* («смотреть»):

Sie hielt das Steuerrad krampfhaft fest und sah angespannt über die Straße. „Mein Gott, wir fahren ja viel zu schnell!“ (S. 67). - В.1=В.2=В.3: *Патриция судорожно вцепилась в рулевое колесо, напряженно вглядываясь вперед: «Боже мой, мы едем слишком быстро!» (с. 87, с. 83, с. 80).*

Перевод словосочетания *einen Schritt zurücktreten* («отойти на шаг назад») с помощью русского глагола «отпрыгнуть» и частицы «так и» также усиливает эмоцию страха, так как данный транслят обозначает резкое движение либо даже прыжок назад:

Ich trat einen Schritt zurück (S. 80). - В.2: *Я так и отпрыгнул, ... (с. 100).*

Эмоционально нейтральный транслят для данной транслемы был предложен в других переводах: В.1=В.3: *Я сделал шаг назад (с. 101, с. 95).*

Эмоция «**Гнев**» предполагает дополнительные эмотивные оттенки - «агрессия», «коварство».

Трансляты для транслемы *schlagfertig* («находчивый, бойкий на язык») - «ехидно» и «готовый сцепиться» - также указывают на более интенсивное проявление гнева. Кроме того, обе лексемы относятся к разговорному стилю:

„Das muss sie doch“, erklärte Frida schlagfertig, ... (S. 261).

В.2: *«Да уж, должно быть, встала», - ехидно заметила Фрида (с. 337).* / В.1=В.3: *«Надо думать, что встала», - ответила Фрида, готовая сцепиться со мной, ... (с. 299, с. 305).*

Транслеме *potadig* («флегматично, вяло»), указывающей на отсутствие эмоций, соответствует русское наречие «нахально», которое в сочетании с глаголом «заявить» звучит вызывающе:

„Ich kann telefonieren“, erklärte Frida potadig (S. 56). - В.1: *«Я умею разговаривать по телефону», - заявила нахально Фрида (с. 73).*

Словарное соответствие данная транслема получила в другом варианте перевода: В.3: *«Я и так умею разговаривать по телефону», - флегматично проговорила Фрида (с. 66).*

На интенсификацию эмоции «**удивление**» в переводе указывают лексемы с оттенками «недоумение», «нерешительность».

Транслеме *ausdruckslos* («невывразительный»), обозначающей отсутствие эмоций, в русском переводе соответствует словосочетание «с тупым недоумением», которое выражает удивление, а также указывает на явно негативное отношение переводчика, так как прилагательное «тупой», характеризующее человека, относится к грубой лексике:

Sie glotzte ausdruckslos mit ihrem Vollmondgesicht aus Kuchenteig (S. 184). - В.2: *Её глаза на круглом, как луна, лице, сделанном из теста, таращились с тупым недоумением (с. 238).*

По нашему мнению, другие варианты перевода данной транслемы отражают её смысл более точно: В.1=В.3: *У неё было лицо круглое, как луна. Она смотрела не меня ничего не выражающим взглядом (с. 217 - с. 218).*

Как и в предыдущем примере, русская лексема «с недоумением» также выражает эмоцию удивления, в то время как транслема *verständnislos* («непонятливый, бестолковый») не имеет отношения к эмоциональной сфере:

Rosa sah mich verständnislos an (S. 294). - В.2: *Роза посмотрела на меня недоумением (с. 380).*

В других вариантах перевода данная транслема получила словарное соответствие: В.1=В.3: *Роза посмотрела на меня непонимающим взглядом (с. 335, с. 343).*

Вербальная репрезентация эмоции «**интерес**» сопровождается дополнительными оттенками «привлечение внимания», «усердие».

Немецкой транслеме *streifen* («проводить, касаться, скользить») в качестве транслята была выбрана русская лексема «обволакивать», которая указывает на проявление интереса, а в сочетании с выражением «матовая зелень глаз» придает высказыванию дополнительную образность:

Ihre schrägen, graugrünen Augen streiften mich langsam (S. 153). - В.2: *Она уселась вплотную, обволакивая меня матовой зеленью своих косоватых глаз (с. 197).*

В других вариантах перевода данная транслема получила словарное соответствие: В.1=В.3: *Взгляд раскосых серо-зеленых глаз медленно скользил по мне (с. 182, с. 181).*

Транслеме *bedienen* («обслуживать, ухаживать»), указывающей на обыденность действий персонажа, в русском переводе соответствует транслят «хлопотать», который отличается смысловыми оттенками «усердие», «заинтересованность»:

Ein Mann mit einer Glatze und mit Hosenträgern bediente den Apparat (S. 212). - В.1=В.3: У телефона хлопотал лысый мужчина в подтяжках (с. 247).

В третьем варианте перевода данной транслемы русская лексема «сидеть» указывает не на действия, а на позу персонажа: В.2: У граммофона сидел мужчина с лысиной и в подтяжках (с. 274).

Эмоция «**печаль**» с эмотивными оттенками «тоска», «уныние» получила дополнительное выражение в незначительном количестве случаев.

Крайне грустное впечатление производит в русском переводе лексема «впадина», которая соответствует транслеме *Augenschatten* («тени под глазами»), поскольку подобные лексемы с суффиксом -ин имеют смысловой оттенок «величина» (ср.: «градина») и редко используются для описания внешности человека:

Neben ihm eine schmale Frau mit tiefen Augenschatten und einem flehentlichen, kummervollen Ausdruck (S. 353). - В.2: Рядом с ним сидела тощая женщина с глубокими впадинами под глазами, полными мольбы и печали (с. 456).

В других случаях данная транслема получила словарное соответствие: В.1=В.3: Рядом с ним сидела худая женщина с глубокими теньями под глазами, с умоляющим, скорбным взглядом (с. 398, с. 410).

Немецкому причастию *zusammengesunken*, образованному от глагола *zusammensinken* («осесть, поникнуть») были выбраны в качестве транслатов глаголы «сгорбиться» и «сжёжиться», которые усиливают эмоцию печали, так как указывают на более напряженную позу персонажей:

Er saß zusammengesunken in seinem Sessel (S. 48).

В.1: Он сидел, сжёжившись в кресле (с. 60). / В.3: Чуть сгорбившись, он сидел в кресле (с. 57).

На наш взгляд, оптимальным соответствием является наречие «понуро», то есть «уныло, печально», которое было предложено в третьем варианте перевода: В.2: Он понуро сидел в кресле (с. 59).

Таким образом, спектр эмотивной интенсификации достаточно широк, ведь транслаты, предложенные переводчиками, усиливают все основные эмоции персонажей романов. Более детальный анализ эмотивных оттенков показывает, что в качестве преобладающего оттенка выступает «радость», составляющая примерно треть случаев от общего числа. Однако большинство примеров усиливают эмоции негативного плана - «презрение», «страх», «отвращение», «гнев» и «печаль».

Список литературы

1. **Попова З. Д.** Общее языкознание: учебное пособие. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 408 с.
2. **Сдобников В. В.** Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. М.: АСТ: Восток-Запад; Владимир: ВКТ, 2008. 448 с.
3. **Солодуб Ю. П.** Теория и практика художественного перевода: учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2005. 304 с.
4. **Сорокин Ю. А.** Психолингвистические аспекты изучения текста / отв. ред. А. И. Новиков. М.: Наука, 1985. 168 с.
5. **Fadeeva G. M.** Linguo-landeskundliche Kommentare zu literarischen Texten // Das Wort: germanistisches Jahrbuch '00-01 GUS / Herausgeberin: Marina Vollstedt, DAAD-Lektorin (MSU). Moskva: „Metatext“ Ltd., 2000. S. 219-233.

УДК 81'38; 801.6

Ольга Александровна Трапезникова
Кемеровский государственный университет

«СЛОВО НА ПАСХУ» КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО В АСПЕКТЕ КОМПЛЕКСНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ[©]

Статья печатается при поддержке гранта РФФИ № 10-06-90702.

Проблема авторского присутствия в древнерусском тексте поднималась в науке неоднократно и, как известно, не всегда получала однозначное решение. Так, по мнению И. С. Некрасова, Г. М. Барац и других исследователей, творчество древнерусских авторов ограничивается компиляцией известных образцов и моделей, что соответственно, снимает вопрос об их оригинальности и возможностях проявления в таких текстах авторского начала.

Однако вопрос о традиционности / оригинальности памятников древнерусской литературы должен решаться иначе. Как справедливо отмечает В. Н. Топоров, оригинальность здесь проявляется на более высоких уровнях, нежели в литературе Нового времени. Более того, по словам Д. С. Лихачева, «...образ автора, непосредственный голос автора в произведении выражен в XI-XVII вв. не только не слабее, но иногда и сильнее, чем в литературе нового времени» (ср. «информационный парадокс» средневекового канонического искусства в теории Ю. М. Лотмана).